

DOI: 10.24290/1029-3736-2018-24-3-133-149

АГЕНТЫ СОЦИАЛЬНОГО КОНТРОЛЯ О РИСКАХ ДЕВИАНТНОСТИ МОЛОДЕЖИ

Т.В. Шипунова, докт. социол. наук, доц., проф. кафедры теории и практики социальной работы Санкт-Петербургского государственного университета, Университетская наб., 7/9, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация, 199034*

Статья посвящена одной из актуальных и затрагивающих многие аспекты социальной жизни проблем — определению рисков девиантности молодежи. Для современных российских реалий характерным является повышение уровня, омоложение и феминизация девиантного поведения. Все это свидетельствует о недостатках организации профилактического социального контроля, который не ограничивается разработкой политики в отношении профилактики, но в большей степени зависит от профессиональных практик и представлений о рисках девиантности, складывающихся в дискурсах различных агентов контроля. В статье представлены основные подходы к пониманию рисков, рассмотрена важность изучения рисков в повседневных профессиональных практиках агентов контроля. Основное внимание уделяется презентации результатов исследования, целью которого было выявление общего и специфического в содержании дискурсов агентов социального контроля относительно рисков девиантности молодежи. Рассмотрены дискурсы основных агентов контроля — полиции, школы, учреждений социального обслуживания (государственных и негосударственных). Автор приходит к выводу, что в полицейском и учительском дискурсах преимущественно применяется институциональный подход, предполагающий использование внешнего контроля поведения. Дискурс учреждений социальной защиты ближе к современным представлениям о риск- и защитных факторах, базирующимся на необходимости рассмотрения положения и жизненных ситуаций молодежи, а также развития внутреннего контроля. Данная статья может быть интересна специалистам, работающим в области социологии молодежи, социологии семьи, социальной работы, а также представителям всех агентов профилактического социального контроля. Материалы статьи будут полезны разработчикам и организаторам социальной политики в области профилактики девиантности, сотрудникам некоммерческих организаций социальной защиты, преподавателям и учащимся вузов.

Ключевые слова: девиантность, риски, риск- и защитные факторы, профессиональные дискурсы, социальный контроль, молодежь.

* Шипунова Татьяна Владимировна, e-mail: t.shipunova@spbu.ru, shtatspb@yandex.ru

AGENTS OF SOCIAL CONTROL ABOUT THE RISKS OF YOUTH DEVIANCE

Shipunova Tatiana V., Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of Department of Theory and Practice of Social Work, St. Petersburg State University, Universitetskaya nab., 7/9, St. Petersburg, Russian Federation, 199034, e-mail: t.shipunova@spbu.ru, shtatspb@yandex.ru

The article is devoted to one of the most urgent problems of the social life – to the identifying the risks of young people’s deviance. For modern Russian realities, the growth of deviant phenomena in a given social group is characteristic. This testifies to the shortcomings of the organization of preventive social control, which is not limited to the development of a policy on prevention, but is more dependent on professional practices and ideas about the risks of deviance in the discourses of various control agents. The article presents the main approaches to understanding risks, the importance of studying risks in everyday professional practices of control agents is examined. The main attention is paid to the presentation of the research results, the purpose of which was to identify the general and specific in the content of discourses of social control agents regarding the risks of deviance of youth. The discourses of the main agents of control – police, school, social service institutions (state and non-state) are considered. The author comes to the conclusion that in the police and teacher discourses, an institutional approach, involving the use of external control of behavior, is predominantly used. The discourse of social security institutions is closer to the modern concepts of risk- and protective factors, based on the need to consider life situations of youth and the development of internal control. This article may be of interest to specialists working in the field of the sociology of youth, the sociology of the family, social work, as well as to representatives of all agents of preventive social control.

Key words: deviance, risks, risk and protective factors, professional discourses, social control, youth.

Введение

Изучению рисков девиантности молодежи посвящено много зарубежных и российских исследований¹. Общество возвращается

¹ См. например: *Тейван-Трейновский Я.* Анализ факторов риска преступности несовершеннолетних в Латвии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 2. С. 102–110; На пути к преступлению: девиантное поведение подростков и риски взросления в современной России (опыт социологического анализа): Коллективная монография / Под науч. ред. М.Е. Поздняковой, Т.А. Хагурова. Краснодар, 2012; *Farrington D.P.* Protective and promotive factors in the development of offending // *Antisocial Behavior and Crime: Contributions of Developmental and Evaluation Research to Prevention and Intervention.* Cambridge, 2011. P. 71–88; *Oberwittler D., Schwarzenbach A., Gerstner D.* Polizei und Jugendliche in multiethnischen Gesellschaften Ergebnisse der Schulbefragung 2011 “Lebenslagen und Risiken von Jugendlichen” in Köln und Mannheim. Freiburg im Br., 2014.

к этой теме с циклической периодичностью². Попытки ее объяснения лежат в разных плоскостях и изменяются в зависимости как от социально-политической, экономической ситуации, так и от доминирующей научной парадигмы. В конце XX в. дискуссия о молодежной девиантности строилась на рассмотрении ее связи с модернизацией. Проявления нарушения норм, особенно в насильственной форме, расценивались как результат модернизационных процессов³. Данную точку зрения дополняли утверждения, что девиантность является результатом “деформированной” модернизации, вызывающей у людей восприятие своего жизненного пространства как непригодного для жизни⁴. Позже, когда научное сообщество и общественность разочаровались в идее модернизации в качестве лучшего обустройства общества, объяснение нарушения норм стало базироваться на рисках глобализации. Тогда было осознано, что национальное государство не способно обеспечить достойное существование всех своих членов, создать для всех одинаково благоприятные условия для роста, развития и полноценной интеграции в социальное пространство. Вместе с этим стало понятно, что “порядок и здравый смысл, моральное совершенство и просвещенность перестали быть общими для всех... высшими ценностями”⁵. Плюрализм и неоднородность как атрибуты современного общества принуждают индивидов вступать “в контакт со многими идеями и ценностями”⁶, оставаясь при этом один на один с необходимостью принятия решений, что создает риски выбора альтернативных, а иногда — девиантных образцов поведения.

В настоящее время при изучении факторов риска девиантного поведения молодежи находят применение идеи теории повседневности. Так, в теории жизненных циклов (*life course theories*) при объяснении девиаций учитываются факторы повседневной жизни, влияющие на изменения в девиантной карьере. Теория течения жизни и невыгодного положения (*life course of cumulative disadvantage*) в качестве центрального пункта рассматривает представление о кумулятивном невыгодном положении девиантного образа жизни⁷. Развитие повседневной “девиантной” активности соотносится,

² Hafeneger B. Jugend-Gewalt: zwischen Erziehung, Kontrolle und Repression: ein historischer Abriss. Opladen, 1994. S. 7–8.

³ Beck U. Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt am Main, 1986. S. 25.

⁴ Россия: риски и опасности “переходного общества” / Под ред. О.Н. Яницкого. М., 1998. С. 16.

⁵ Харп К. Постмодернизм. М., 2006. С. 34.

⁶ Гидденс Э. Социология. М., 2005. С. 580.

⁷ Schneider H.J. Kriminologie für das 21. Jahrhundert: Schwerpunkte und Fortschritte der internationalen Kriminologie. Münster, 2001. S. 61.

прежде всего, с неудачами в таких социальных связях, как семья, школьная среда, сверстники. Этим подчеркивается, что континуум неодобряемого обществом поведения образуется в неформальных и формальных социальных интеракциях⁸. Нестабильность и беспокойство, вызванное неудачами, оказывают негативное воздействие на жизнь людей и ведут при определенных условиях к совершению девиаций. Исследователи считают, что в качестве рисков следует изучать положение молодежи, жизненные ситуации, события повседневной жизни, которые предшествуют нарушениям норм, выступающим в виде особого рода реакций на ситуацию в момент осуществления интеракции⁹.

От того, как понимаются риски и каким содержанием они наполняются, напрямую зависит профилактическая деятельность агентов социального контроля. Конечно, государственная политика контроля молодежной девиантности как макроуровневый феномен задает определенные ориентиры, в которых находят отражение понимание нормального/девиантного, рисков, методов, средств и границ контроля. Однако социальный контроль как деятельность в своем реальном выражении протекает на микроуровне социальной реальности во взаимодействиях “лицом к лицу” в мы-отношениях¹⁰. Различные агенты социального контроля имеют особенности, которые влияют на формирование профессионального дискурса, понимаемого как совокупность идей, заданных спецификой и направленностью деятельности и определяющих взаимодействия по поводу определения социальной реальности и/или ее элементов. При этом профессиональная повседневная деятельность (рутинные профессиональные практики) предстает как экспериментальное пространство для формирования консенсуса между участниками профессиональной группы, “что позволяет участникам поддерживать общение, имеющее определенную целевую направленность, даже в том случае, если по ходу дела обнаруживается, что их смысловые каркасы не общезначимы, что они вступили в коммуникацию, успех которой не гарантирован, но цели, к которым они стремятся, так важны, что ради них надлежит всеми силами стремиться к консенсусу”¹¹. Взаимодействия в повседневной профессиональной деятельности формируют единое коммуникативное пространства среды, в которой

⁸ Delinquenz im Jugendalter: Erkenntnisse einer Münsteraner Längsschnittstudie / K. Boers, J. Reineke (Hrg.) Münster, 2007. S. 28–29.

⁹ Breuer T. Kriminologie als kriminologische Handlungslehre: Ein Grundriss für die Aus- und Fortbildung. Landwaden, 1998. S. 30–31.

¹⁰ Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Науч. ред. перевода Г.С. Батыгин. М., 2003. С. 114–115.

¹¹ Порус В. Рациональная коммуникация как проблема эпистемологии // Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход. М., 2009. С. 17.

осуществляется “непрерывная выработка тех смыслов, вокруг которых (хотя бы на время) объединяются до того разрозненные мнения отдельных участников”¹² тематической (профессиональной) коммуникации. Наличие в дискурсах специфического сенсориума – того, что позволяет “селективно реагировать на процессы во внешнем мире, сохраняя свою системную специфичность”¹³ – обеспечивает основу для аутентичного восприятия происходящего в окружающей социальной реальности, которая дает импульс для конструирования своих собственных представлений, в том числе, касательно рисков девиантности.

В связи с этим представляется, что для лучшего понимания девиантных явлений, процесса контролирования и повышения эффективности профилактических мероприятий следует изучать профессиональные дискурсы агентов социального контроля, к которым традиционно относят официальные социальные институты, осуществляющие формальный контроль, и институты, реализующие неформальный социальный контроль – семья, церковь, гражданские (общественные) инициативы. В рамках данной статьи представлены результаты исследования конструкторов, развиваемых в дискурсах профессиональной деятельности основных агентов профилактики девиантности молодежи, – полиции, школы, учреждений социального обслуживания. Цель исследования – выявление общего и специфического в содержании дискурсов относительно рисков девиантности молодежи. Представляется, что такой подход может дать сведения о видении субъекта и предмета профилактического воздействия “изнутри”, в дискурсе тех, кто несет ответственность (хотя бы отчасти) за неблагоприятную ситуацию с девиантностью молодежи в России¹⁴, а также может способствовать пониманию интенций представителей разных дискурсов и их адекватности современным вызовам.

Предварительные замечания об исследовании

В 2016–2017 гг. было проведено исследование¹⁵, целью которого было изучение дискурсов представителей агентов социального

¹² Порус В. Указ. соч. С. 20–21.

¹³ Антоновский А.Ю. Пространство и время коммуникации и сознания: Бурдьё vs. Луман // Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход. М., 2009. С. 85.

¹⁴ См., например: Ефимовский А.В., Стебенева Е.В. Современная преступность: тенденции, причины, прогноз (на примере Санкт-Петербурга) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 1 (65). С. 82–86; Ежегодный доклад уполномоченного по правам ребенка в Санкт-Петербурге за 2015 г. СПб., 2016.

¹⁵ Исследование проведено в рамках проекта “Положение и риски девиантности молодежи, проживающей в мегаполисе (на примере Санкт-Петербурга)” при поддержке гранта РФФИ № 15-03-00383.

контроля, занимающихся профилактикой девиантности молодежи Петербурга. Задачи формулировались на основе выделения компонентов, помогающих наиболее полно раскрыть содержание дискурсов, и предполагали идентификацию представлений о ситуации с девиантностью молодежи в мегаполисе (распространенность, виды и т.д.), определение субъекта профилактического воздействия, рассмотрение точек зрения на риск- и защитные факторы, характеристику представлений об агентах социального контроля и эффективности их деятельности. В данной статье мы остановимся лишь на одном аспекте интервью – конструировании агентами социального контроля риск- и защитных факторов девиантности молодежи.

В исследовании использовался метод индивидуального фокусированного интервью ($n = 15$), концентрировавшего внимание респондентов на проблеме, ее определении и субъективных переживаниях, связанных с восприятием ситуации. Указанный метод позволяет на основе разрозненных данных описать специфику дискурсивного конструкта рисков девиантности молодежи у разных агентов социального контроля. Длительность интервью с экспертами в среднем составляла 45 минут, место проведения – привычная рабочая обстановка. Гайд интервью включал пункты: самопрезентация, описание проблемной ситуации, блоки вопросов, соответствующих исследовательским задачам. Методом обработки транскриптов интервью выступил контент-анализ.

В фокусированном интервью не применяется выборка, поскольку не ставится задача экстраполяции выводов на большие социальные общности. Выбор экспертов определялся лишь задачами исследования, общей логикой изучения деятельности агентов социального контроля и организационными моментами (например, необходимостью согласования кандидатур экспертов и организации интервью с руководством некоторых ведомств). В целях обеспечения достоверности информации в группу экспертов включены представители основных агентов социального контроля/профилактики девиантности молодежи на территории Санкт-Петербурга: сотрудники полиции (3 человека), школы (2 человека), государственных (6 человек) и негосударственных (4 человека) социозащитных учреждений. Группа респондентов формировалась на основе трех критериев: включенность в практическую деятельность, связанную с социальным контролем девиантности молодежи, опыт работы с молодежью в течение не менее года, наличие высшего образования, позволяющего более четко формулировать высказывания. Среди экспертов было десять женщин и пять мужчин. Средний стаж работы экспертов 14 лет, с разбросом от 1–2 лет (3 чело-

века в госучреждениях социального обслуживания) до более 20 лет практической работы (в полиции, школе и социозащитных учреждениях).

В соответствии с ведомственной принадлежностью, спецификой организации и направленностью деятельности при анализе данных были выделены три дискурса: полицейский, учительский и социозащитный (государственные и негосударственные учреждения социальной защиты), в которых происходит уточнение, детализация общего для всех агентов конструкта социального контроля. *Полицейский дискурс* был представлен сотрудниками службы участковых, полиции по охране общественного порядка и отдела участковых уполномоченных полиции по делам несовершеннолетних трех районов Санкт-Петербурга. Районы отличаются количеством и составом населения, что влияет на специфику и число девиаций, совершаемых молодежью. В качестве экспертов руководством Городского управления внутренних дел (после запроса) были определены заместители руководителей указанных служб, имеющие общий стаж работы от 11 до 26 лет и опыт практической деятельности по профилактике девиантного поведения молодежи. *Учительский дискурс* выделен на основе интервью с преподавателем (по совместительству – классным руководителем) лица и социальным педагогом одной из школ Петербурга (стаж работы с детьми – по 20 лет). Их оценка рисков девиантности молодежи ограничилась рамками школы, причем на полноту ответов могла повлиять установка, озвученная одним из экспертов: “любая школа старается не выносить сор”, а также неосведомленность учителей о жизни детей вне школы/лица. *Социозащитный дискурс* представлен сотрудниками государственных и негосударственных учреждений социального обслуживания. В интервью приняли участие представители следующих государственных учреждений: центр социальной помощи семье и детям одного из районов города, подростково-молодежный центр, центр профилактики асоциальных явлений среди молодежи. В интервью участвовали как руководители подразделений, так и специалисты по социальной работе с молодежью. Стаж практической работы от 1 года до 25 лет. Негосударственные учреждения социальной защиты представлены сотрудниками центра социальной адаптации молодежи, имеющей проблемы с законом, и одного из фондов, принимающих на стационарное обслуживание несовершеннолетних с аддикциями. Стаж работы сотрудников – от 16 до 20 лет.

Перейдем к результатам анализа тех компонентов, которые в достаточной мере раскрывают вопрос о конструировании рисков, рисков и защитных факторов девиантности молодежи. Поскольку россий-

ская практика превентивного социального контроля девиантности ограничена возрастными рамками субъекта контроля, то в высказываниях экспертов чаще всего упоминается несовершеннолетняя молодежь.

Основные результаты исследования

Следует отметить, что представители всех официальных агентов социального контроля рассматривают риски как синонимы причин, а потому в своих определениях рисков и факторов часто используют терминологию, свойственную для позитивистского подхода, ориентированного на установление причинно-следственных связей. Чтобы не допустить конфликта между понятиями и соблюсти некоторую логику и единство при изложении материала, мы будем использовать ту терминологию, которая прозвучала при формулировке вопросов интервью, имея, однако, в виду синонимизацию понятий “риск” и “фактор риска” в высказываниях экспертов.

В *полицейском* дискурсе основным риском девиантности выступает взаимодействие молодежи между собой при отсутствии контроля со стороны взрослых. Бесконтрольность, неуправляемость ведут к некритическому восприятию образцов поведения, предлагаемых СМИ и интернетом. Однако “дурной пример взрослых” также может стать фактором риска противоправного поведения. Важную роль играет фактор безнаказанности, отсутствие боязни наказания и ответственности. Среди других значимых рисков отмечены: отсутствие должного воспитания и конфликты в семье, демонстрация в интернете негативных моделей поведения и призывов к их реализации (“ключ в интернете”), опыт потребления некоторых веществ (алкоголь, наркотики) в группе сверстников. Опасным фактором риска выступает невключенность молодежи в организованные и контролируемые взрослыми формы деятельности: учебные заведения, армия, секции, кружки и т.п. При отсутствии включенности в жизнь данных социальных институтов у молодых людей возникает потребность в поиске других форм активности, например, в виде общения в интернете или в молодежной среде, “которая ничем не занята”. При наличии денег, молодежь “тусуется” (ходит по клубам, устраивает шоппинг), при отсутствии финансовых средств начинает активно их искать, а “их можно или заработать... или украсть”.

Анализ ситуации “от обратного” (при ответе на вопрос о защитных факторах) показывает, что представители полиции видят возможность избегания девиантного поведения при условии, если у подрастающего поколения сформирована боязнь наказания, на-

пример, в виде общественных работ, хотя применение такой меры чрезвычайно полезно. При ее широком использовании молодой человек сможет не только исправить совершенную ошибку, но и получит возможность общения с сотрудниками правоохранительных органов, которые являются если не образцом в плане поведения, то “эталонном в плане отношения к жизни, к социуму, к обществу”. Общение с сотрудниками могло бы “подтянуть детей” и, возможно, вызвало бы желание в дальнейшем работать в полиции, “потому что проступок не перечеркивает жизнь, но дает ребенку возможность исправиться”. Кроме того, в качестве защитного фактора рассматривается формирование ответственности. Один из экспертов утверждает, что в обществе существует некоторый перекос в воспитании: “Постоянно говорим про права ребенка, но никто не говорит детям об их обязанностях”. Не менее значима пропаганда и демонстрация в СМИ того, “что плохо”. Важно и воспитание в семье, так как семья примерно в семидесяти процентов случаев определяет отказ от повторного совершения административных правонарушений. Важным элементом системы защитных факторов в этом дискурсе считается правильно организованный досуг. Молодые люди всегда должны быть заняты, особенно посредством включения в организованные формы деятельности. Если этого не происходит, то они чувствуют себя ушербными, ущемленными.

В *учительском* дискурсе первое место среди рисков занимают отсутствие внимания со стороны родителей, а также неумение и нежелание трудиться. К факторам риска относится отсутствие интересов, увлечений и возможностей их реализации. Эти факторы, в свою очередь, ведут к погружению индивида в интернет-коммуникации, в которых он “привыкает жить”. Названные факторы риска девиантности коррелируют с представлениями экспертов о защитных факторах, к которым, прежде всего, относятся внимание со стороны родителей, увлеченность каким-то делом, которое позволяет ребенку почувствовать себя частичкой общества, значимой личностью, повышает его самооценку, включенность с раннего возраста в социально активную деятельность (кружки, секции) с целью повышения самооценки. В этом дискурсе часто упоминается советское прошлое, когда школа играла важную роль в воспитании детей и у нее был высокий статус в обществе. Кроме того, сдерживающим фактором считается соблюдение законов, например, комендантского часа, установленного для несовершеннолетних лиц.

Дискурс *государственных учреждений социальной защиты* близок учительскому, хотя здесь спектр факторов риска значительно шире. К ним относятся плохие отношения в семье, отсутствие родительского контроля, гиперопека, отношения между самими родителями

и/или их девиантное поведение (алкоголизм, наркомания, антиобщественный образ жизни), проблемы психологического характера, отношения со сверстниками, особенно с лицами, пропагандирующими антиобщественное поведение. Ухудшению отношений в семье и безнадзорности детей способствуют как педагогическая неграмотность родителей, так и плохие экономические условия семьи, чрезмерная трудовая занятость матерей, разводы родителей, повторные браки и т.д. Факторами риска могут выступать также исключение из образовательного процесса (30% детей нигде не учатся) или недостатки образования, жизнь в неполных и/или неблагополучных семьях, где родители “не развивают” детей (однако один из экспертов считает, что уровень доходов не играет роли, и девиантными могут стать дети из семей с высоким уровнем достатка), отсутствие представлений о системе ценностей, установка на «достижение материального достатка, причем чаще всего “легких денег”». Если ребенок не нужен близким родственникам, он начинает искать компанию, “где его будут принимать, одобрять и неважно, чем будет заниматься эта компания”. В этом дискурсе, также как в двух предыдущих, обращается внимание на отсутствие возможностей занятости в сфере досуга. По мнению одного из экспертов, все интересные для молодежи клубы и секции функционируют на платной основе, и это существенно сокращает возможности молодежи (как несовершеннолетней, так и совершеннолетней) для включения в социально одобряемые формы досуга. А “если досуг не организован, они болтаются на улице”, знакомятся с представителями девиантных субкультур и приобщаются к их образу жизни.

Защитными факторами, препятствующими развитию девиантной карьеры, выступают гармоничная полная семья, благоприятные внутрисемейные отношения, традиции, культура, способность к целеполаганию, сформированная в детстве система ценностей, страх потери чего-то важного, заинтересованность родителей в решении проблемы деструктивного поведения детей, особенно 10–14-летнего возраста, поскольку их поведение еще поддается коррекции. Девиации может сдерживать и позитивный пример авторитетного в молодежной среде лидера, который транслирует значимые социальные ценности и идеи. Кроме того, это может быть знание законов и последствий совершения девиаций, сведения о которых должны даваться на специальных уроках в школах. В дискурсе выделяют также негативный защитный фактор – наказание, применяемое в соответствии с принципом неотвратимости.

Отдельно можно выделить дискурс *негосударственных учреждений социальной защиты*. Отчасти он аналогичен дискурсу представителей госучреждений, поэтому мы остановимся лишь на отличительных

моментах. Главный отличительный признак – критическое осмысление выстраиваемого социальными институтами воспитательного процесса, призванного выполнять роль первичной (общей) профилактики. Он дезориентирует молодежь, поскольку построен на лжи взрослых, которые “не держат слова”. Это могут быть как школьные учителя, так и некомпетентные родители. Среди семейных факторов риска указываются плохой психологический климат, девиантное поведение самих родителей, кризис современной семьи. Последний обусловлен постоянными экономическими и социальными проблемами российского общества, вносящими свой вклад в кризис ценностей и развитие деструкций в семьях. Сюда относится также социальное расслоение общества. В результате страдают самые слабые – дети, которых родители не только не могут, но и не хотят воспитывать, предпочитая свалить заботу о них на государство. Большую роль играет рождение от матери, страдающей алкогольной или наркотической зависимостью. Можно говорить о некоей перинатальной патологии, которая дает толчок для развития девиаций в период 13–14 лет, когда у подростков происходит гормональная перестройка организма.

Школьная среда в данном дискурсе часто определяется как рискогенная, поскольку именно в школе ребенок получает первые оценки себя как социального субъекта. И когда в школе что-то не ладится, и ребенок наделяется стигмой “плохого”, то появляется заниженная самооценка и возникает враждебное отношение ко взрослым, пытающимся воспитывать не на собственных примерах, а на словах. Некоторые эксперты считают, что современное поколение подчинено соблазну прожить свою жизнь иждивенцем (за счет родителей или государства), ничего не делая, стремясь получить лишь удовольствия. В этом смысле они – “потерянное поколение”.

К сдерживающим факторам развития девиантного поведения несовершеннолетней молодежи эксперты отнесли: улучшение школьной успеваемости детей, отстающих от своих сверстников, что могло бы снять чувство ущербности, развитие интересов при помощи дополнительного образования (кружки, секции), присутствие в жизни ребенка взрослого, которому он доверяет, причастность к отечественной истории и памяти о предках, приверженность традициям, комплексная включенность в “позитивную активную среду”, пропагандирующую здоровый образ жизни, увлеченность спортом или какими-то другими интересами в досуговой сфере, а также создающую возможность для реализации творчества, своего “Я”, приобщение на добровольной основе к социально одобряемым видам деятельности, которые формируют самоуважение, наличие планов на будущее и обозримых перспектив их реализации, ком-

петентность родителей, способных создать благоприятную среду развития, заложить нравственные ценности, сформировать социально одобряемую модель поведения.

Исследование показало, что представители основных агентов профилактики видят риски девиантности и в индивидуальных особенностях молодежи. Эксперты формируют представления об образе нарушителя норм как с позиций интересов общества, так и с позиций самих нарушителей¹⁶. Однако существует некоторое различие в зависимости от степени формализации и ведомственной принадлежности агента контроля. Эксперты полицейского дискурса более склонны выделять негативные характеристики нарушителей норм из числа молодежи, делая упор на вреде и опасности их поступков для общества. К характерным чертам девиантов (особенно правонарушителей) эксперты относят сравнительно низкий уровень образования (неполное среднее или профессионально-техническое), ориентация на авторитет группы, внушаемость и нарушения эмоционального развития, неспособность отдавать отчет в последствиях своих поступков, отсутствие ценностей и каких-либо положительных (нравственных) качеств, правовой нигилизм и неуважение к полицейским, “пофигизм”, безразличие к своей дальнейшей судьбе.

В других дискурсах образ нарушителя норм менее однозначный. Негативные характеристики преимущественно связываются с неблагоприятной средой развития – семейной или школьной, жизненной ситуацией и повседневными практиками. В учительском дискурсе образ подростка презентуется с позиций либо уровня воспитанности (“грубый”, “резкий”, “хамство” и т.д.), либо с позиции способности к обучению. В дискурсе социозащитных учреждений конструируется наиболее многогранный образ девианта, который различается в зависимости от интенсивности связей с семьей, видам и “тяжести” девиации. Ценностные ориентации и установки зависят от стажа девиантной карьеры и тяжести проступка. Например, в случае административных нарушений несовершеннолетние “в целом не отличаются от большей части молодых людей”. У несовершеннолетних, неоднократно совершавших административные и уголовные правонарушения, наблюдается полное “отсутствие интереса к учебе, спорту, творчеству”. Социальная активность этих ребят “в основном направлена на получение удовольствия”.

¹⁶ Подробно см.: *Штупнова Т.В.* Дискурсивная презентация нарушителя норм в коммуникативной модели социального контроля // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2017. Т. 10. Вып. 4. С. 441–453.

Вместо заключения

В целом, при рассмотрении рисков эксперты выделяют основные уровни социальной реальности, которые воздействуют на формирование девиантного поведения молодежи: индивидуальный, групповой и социетальный. Однако можно отметить, что степень формализации агента социального контроля оказывает влияние на представления о рисках и создает вариативность в их рассмотрении. Так, в полицейском и учительском дискурсах преимущественно используется институциональный подход, который делает акцент на интенсивном использовании ресурсов различных социальных институтов для внешнего профилактического воздействия на молодежь. Социозащитный дискурс ближе к современным представлениям о риск- и защитных факторах, предполагающих активизацию внутреннего контроля поведения через формирование и развитие личности подростка. Эксперты дискурса, особенно представители негосударственных учреждений социальной защиты, дают более полное определение рискогенности социальных факторов, опираясь на рассмотрение положения и жизненной ситуации молодежи. Важность ориентации именно на данные характеристики обусловлена тем, что смысловой рамкой индивидуальной активности индивидов (помимо социокультурного контекста, являющегося общим фоном их жизнедеятельности) выступают контексты повседневности. Они содержат в себе разнообразные риски, оказывающие как прямое, так и косвенное воздействие на поведение. А поскольку риск — это “сложный комплекс обстоятельств, с которыми обычно приходится иметь дело”¹⁷, то любое решение, принятое индивидом в этих обстоятельствах чревато вероятностью ошибок¹⁸, выражающихся в том числе в нарушении социальных норм. Разнообразные контексты формируют жизненные ситуации индивидов, в которых объединяются внешние и внутренние стимулы (возможного) нарушения социальных норм (=факторы риска). Поскольку ресурсы у всех индивидов разные, то их поведение также будет различаться таким образом, что создается некий спектр выбора и варианта поступка/поведения/деятельности.

Современная реальность характеризуется изменчивостью и постмодернизмом, шоуизацией и возрастанием конкуренции, начиная с детского возраста. Все это, с одной стороны, размывает идентичность, а с другой — принуждает искать новую, которая будет заменена следующей и т.д. Особенно трудно приходится (несовершеннолетней) молодежи, поскольку власть мира взрослых над реальностью,

¹⁷ Луман Н. Понятие риска // Альманах THESIS. 1994. Вып. 5. С. 151.

¹⁸ Там же. С. 153.

над ребенком безраздельна. Более того, это не всегда власть любящих родителей. Это может быть власть безличного государства, ограниченного в своей заботе о молодом поколении собственными амбициями, дефицитом ресурсов, установками, идеологией, политическими приоритетами. “Власть в обществе включает власть над определением того, как будут организованы основные процессы социализации, а тем самым и власть над производством реальности”¹⁹. Ребенок сразу помещается в эту реальность и взрослеет в ней без права выбора. Однако он живет совсем в другом определении момента и времени, другом настоящем и будущем, чем те взрослые, которые его окружают. Это несоответствие временного опыта определяет драматизм – и трудность – жизни многих молодых людей, ведущий к личностным кризисам. Для молодежи в условиях экспрессивной современной реальности характерны экстремальная противоречивость усилий и в целом – жизни, ориентированной на будущее²⁰. Непримируемость с несправедливостью, царящей в обществе, зачастую нелепые и/или устаревшие требования взрослых, консервативная мораль и т.д. могут подтолкнуть молодого человека к сопротивлению в форме негативных девиаций.

Сказанное означает, что необходимо рассматривать не отдельные факторы, а их совокупности, т.е. использовать комплексный подход. Кроме того, необходимо предпринимать усилия по нахождению консенсуса по вопросам профилактики рискогенных показателей (положения молодежи, негативных жизненных ситуаций, факторов риска), распределению полномочий и налаживанию взаимодействий всех агентов социального контроля, делая упор на развитие защитных факторов. При этом социальная политика в отношении профилактики девиантности молодежи должна уделять больше внимания развитию негосударственных учреждений социальной защиты, нацеленных, в первую очередь, на формирование внутреннего контроля поведения у молодежи. Значимость такой работы особенно возрастает в ситуации, когда деятельности легитимных агентов социального контроля противостоят нелегитимные агенты – организованные преступные группировки, различные девиантные субкультуры, продвигающие негативные и саморазрушительные образцы поведения (потребление наркотиков, экстремизм и т.д.). Они зачастую имеют большую мотивацию и финансовое обеспечение контроля, что обуславливает их более

¹⁹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 195.

²⁰ Thiersch H. Lebensweltorientierte Soziale Arbeit: Aufgaben der Praxis im sozialen Wandel. Weinheim; München, 1997. S. 50.

высокую результативность и эффективность в деле продвижения в повседневную жизнь образцов поведения, альтернативных общепринятым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антоновский А.Ю. Пространство и время коммуникации и сознания: Бурдьё vs. Луман // Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход. М., 2009. С. 64–93.

Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995.

Гидденс Э. Социология. М., 2005.

Ежегодный доклад уполномоченного по правам ребенка в Санкт-Петербурге за 2015 г. СПб., 2016.

Ефимовский А.В., Стебенева Е.В. Современная преступность: тенденции, причины, прогноз (на примере Санкт-Петербурга) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 1 (65). С. 82–86.

Луман Н. Понятие риска // Альманах THESIS. 1994. Вып. 5. С. 135–160.

На пути к преступлению: девиантное поведение подростков и риски взросления в современной России (опыт социологического анализа): Коллективная монография / Под науч. ред. М.Е. Поздняковой, Т.А. Хагурова. Краснодар, 2012.

Порус В. Рациональная коммуникация как проблема эпистемологии // Коммуникативная рациональность: эпистемологический подход. М., 2009. С. 11–24.

Россия: риски и опасности “переходного общества” / Под ред. О.Н. Яницкого. М., 1998.

Тейван-Трейновский Я. Анализ факторов риска преступности несовершеннолетних в Латвии // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 2. С. 102–110.

Харт К. Постмодернизм. М., 2006.

Шипунова Т.В. Дискурсивная презентация нарушителя норм в коммуникативной модели социального контроля // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12: Психология. Социология. Педагогика. 2017. Т. 10. Вып. 4. С. 441–453.

Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Науч. ред. перевода Г.С. Батыгин. М., 2003.

REFERENCES

Antonovskij A. Ju. Prostranstvo i vremja kommunikacii i soznanija: Burd'e vs. Luman [The space and time of communication and consciousness: Bourdieu vs. Luhmann] // Kommunikativnaja racional'nost': jepistemologicheskij podhod [Communicative rationality: the epistemological approach]. М., 2009. P. 64–93 (in Russian).

Beck U. Risikogesellschaft. Auf dem Weg in eine andere Moderne. Frankfurt am Main, 1986.

Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovanie real'nosti. Traktat po sociologii znaniya [The Social Construction of Reality. A Treatise on sociology of Knowledge]. M., 1995 (in Russian).

Breuer T. Kriminologie als kriminologische Handlungslehre: Ein Grundriss für die Aus- und Fortbildung. Landwaden, 1998.

Delinquenz im Jugendalter: Erkenntnisse einer Münsteraner Längsschnittstudie / K. Boers, J. Reineke (Hrg.). Münster, 2007.

Efimovskij A.V., Stebeneva E.V. Sovremennaja prestupnost': tendencii, prichiny, prognoz (na primere Sankt-Peterburga) [Modern crime: trends, causes, forecast (on the example of St. Petersburg)] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii [Vestnik St. Petersburg University of the Ministry of Interior of Russia]. 2015. N 1 (65). P. 82–86 (in Russian).

Ezhegodnyj doklad upolnomochennogo po pravam rebenka v Sankt-Peterburge za 2015 g. [Annual report of the Commissioner for Children's Rights in St. Petersburg in 2015]. SPb., 2016 (in Russian).

Farrington D.P. Protective and promotive factors in the development of offending // Antisocial Behavior and Crime: Contributions of Developmental and Evaluation Research to Prevention and Intervention. Cambridge, 2011. P. 71–88.

Giddens Je. Sociologija. [Sociology]. M., 2005 (in Russian).

Hafeneger B. Jugend-Gewalt: zwischen Erziehung, Kontrolle und Repression: ein historischer Abriss. Opladen, 1994.

Hart K. Postmodernizm [Postmodernism]. M., 2006 (in Russian).

Luman N. Ponjatie riska [The concept of risk] // Al'manah THESIS [Almanac THESIS]. 1994. P. 135–160 (in Russian).

Na puti k prestupleniju: deviantnoe povedenie podrostkov i riski vzroslenija v sovremennoj Rossii (opyt sociologicheskogo analiza) [On the way to the crime: deviant behavior of teenagers and the risks of growing up in modern Russia (experience of sociological analysis)]: Kollektivnaja monografija / Pod nauch. red. M.E. Pozdnjakovoj, T.A. Hagurova. Krasnodar; M., 2012 (in Russian).

Oberwittler D., Schwarzenbach A., Gerstner D. Polizei und Jugendliche in multiethnischen Gesellschaften Ergebnisse der Schulbefragung 2011 "Lebenslagen und Risiken von Jugendlichen" in Köln und Mannheim. Freiburg im Br., 2014.

Porus V. Racional'naja komunikacija kak problema jepistemologii [Rational communication as a problem of epistemology] // Kommunikativnaja racional'nost': jepistemologicheskij podhod [Communicative rationality: the epistemological approach]. M., 2009. P. 11–24 (in Russian).

Rossija: riski i opasnosti "perekhodnogo obshhestva" [Russia: risks and dangers of a "transitional society"] / Pod red. O.N. Janicki. M., 1998 (in Russian).

Schneider H.J. Kriminologie für das 21. Jahrhundert: Schwerpunkte und Fortschritte der internationalen Kriminologie. Münster, 2001.

Shipunova T.V. Diskursivnaja prezentacija narushitelja norm v kommunikativnoj modeli social'nogo kontrolja [Discourse presentation of the offender in the communicative model of social control] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Serija 12: Psihologija. Sociologija. Pedagogika [Vestnik St. Petersburg University. Series 12: Psychology. Sociology. Pedagogy]. 2017. T. 10. Vyp. 4. S. 441–453 (in Russian).

Shjutc A. Smyslovaja struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoj sociologii [The notional structure of the everyday world: essays on the phenomenological sociology] / Nauch. red. perevoda G.S. Batygin. M., 2003 (in Russian).

Tejvan-Trejnovskij Ja. Analiz faktorov riska prestupnosti nesovershennoletnih v Latvii [Analysis of risk factors for juvenile delinquency in Latvia] // Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta jekonomiki i prava [Criminological journal of the Baikal State University of Economics and Law]. 2013. N 2. P. 102–110 (in Russian).

Thiersch H. Lebensweltorientierte Soziale Arbeit: Aufgaben der Praxis im sozialen Wandel. Weinheim; München, 1997.